

RU

Понятие вторичной языковой личности профессионала в отечественной и зарубежной лингводидактике: систематический обзор

Сороковых Г. В., Шафикова И. Р.

Аннотация. Цель данного систематического обзора - определить актуальность концепции «языковая личность» и альтернативных концепций в отечественной и зарубежной лингводидактике. В статье рассмотрены особенности употребления концепции «языковая личность» в отечественном и зарубежном лингвистическом и лингводидактическом дискурсе. **Научная новизна** работы состоит в том, что употребление русскоязычными авторами терминологических единиц, принадлежащих данной концепции, рассматривается одновременно в отечественном и в англоязычном лингвистическом и лингводидактическом дискурсах. Кроме этого, термины “language” / “linguistic persona” / “personality” / “identity” и др. анализируются с точки зрения их использования иностранными авторами. **В результате** выявлены две главные тенденции: во-первых, наличие нескольких одновременно существующих англоязычных вариантов понятия «языковая личность», во-вторых, разобщенность отечественных и зарубежных исследований лингвистических особенностей личности при профессионально-ориентированном обучении иностранному языку.

EN

Notion of Professional’s Secondary Linguistic Personality in Domestic and Foreign Linguodidactics: Systematic Review

Sorokovykh G. V., Shafikova I. R.

Abstract. The authors have conducted a systematic review to analyse functioning of the “linguistic personality” concept and alternative concepts in domestic and foreign linguodidactics. The article considers specificity of the “linguistic personality” concept representation in domestic and foreign linguistic and linguodidactic discourses. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researchers examine functioning of the corresponding terminological units both in the Russian-language and English-language linguistic and linguodidactic discourse. Moreover, the terms “language” / “linguistic persona” / “personality” / “identity” etc. are analysed from the viewpoint of their usage in foreign authors’ works. The conducted research allows identifying two basic tendencies: firstly, existence of multiple representations of the concept “linguistic personality” in the English language, and, secondly, inconsistency in domestic and foreign studies on a personality’s linguistic specificity in the process of teaching professional foreign language.

Введение

Актуальность исследования. Современные требования к развитию промышленности в Российской Федерации требуют появления профессионалов новой формации, способных занять достойное место в мировой науке и промышленности. Для полноценного функционирования в международном инженерном сообществе специалисты должны свободно ориентироваться в потоке научной и профессиональной информации, что невозможно без владения таким инструментом, как иностранный язык. Это значит, что подходы к иноязычному образованию в техническом вузе должны быть пересмотрены с учетом актуального контекста.

Современная лингводидактика существует и развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, что не может не оказывать влияния на принципы целеполагания в иноязычном образовании. Фокус иноязычного образования смещается от знания языка, овладения речевыми умениями или формирования коммуникативной компетенции к личности с уникальными индивидуальными характеристиками [16]. Следовательно, в центре внимания лингводидактики сегодня – формирование вторичной языковой личности [20].

Экстраполируя данный постулат на профессионально-ориентированную лингводидактику, можем предположить, что целью иноязычного образования в неязыковом вузе должно быть формирование вторичной языковой личности профессионала. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие *задачи*:

- рассмотреть понятия «языковая личность», «вторичная языковая личность», «языковая личность профессионала», «вторичная языковая личность профессионала» с точки зрения зарубежной и отечественной лингводидактики;
- дать краткий обзор данных понятий в отечественной и зарубежной науке;
- оценить с учетом глобального характера научных исследований, насколько концепция языковой личности и ее производные встроены в мировую лингводидактическую науку.

Методы исследования: анализ лингвистических и лингводидактических исследований по проблеме языковой личности за последние пять лет с опорой на основополагающие работы отечественных и зарубежных лингвистов; обобщение педагогического опыта по обучению иностранному языку в неязыковом вузе в контексте антропоцентрической парадигмы.

Методологической базой данной научной работы послужили концепции: языкового поликультурного образования (Т. Л. Гурулева, 2011; Н. В. Елухина, 2002; Т. А. Круглякова, 2014; П. В. Сысоев, 2004, 2006, 2008); языковой личности (Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин, В. П. Фурманова, Л. П. Халяпина); “linguistic persona” (П. Экерт); “linguistic identity” (Б. Нортон); “linguistic individual” (Б. Джонстон).

Практическая значимость исследования заключается в возможности реализации лингвокультурологического потенциала иноязычного образования в создании профессионально-маркированной вторичной языковой личности специалиста в контексте метапредметного, социокультурного и интегративного подходов.

Основная часть

В отечественной лингвистике существует множество определений и трактовок понятия **языковой личности**. Широкое распространение в отечественной лингвистике и лингводидактике получила концепция языковой личности, разработанная Ю. Н. Карауловым. Согласно этой концепции, языковая личность (далее – ЯЛ) определяется как «набор языковых способностей, готовности к осуществлению речевых поступков» [8, с. 29] и содержит три уровня: слова, идеи, коммуникативные потребности личности.

Анализ англоязычных публикаций по теме «языковая личность» показал отсутствие устоявшейся терминологии в зарубежной лингвистике и лингводидактике. В процессе интернет-поиска в качестве запроса применялись различные комбинации: “language / linguistic” и “person / persona / personality”. Термины “linguistic personality” / “language personality” используются для обозначения языковой личности исключительно русскоязычными авторами при написании статей или аннотаций на английском языке.

Исследователи Г. М. Мандрикова и Е. М. Дубровская переводят выражение «языковая личность» как “linguistic person”, однако смысловая нагрузка термина снижается в связи с тем, что в 18 из 24 случаев употребления слова “person” в данной научной работе эта лексема встречается в общеупотребительном значении «человек, индивидуум» (creative person, fulfilled person, Bohemian person, a person who has knowledge about England) [38].

Еще один вариант – “linguistic persona” – востребован преимущественно русскоязычными исследователями, однако “linguistic persona” встречается и в англоязычных лингвистических исследованиях несколько в другом значении, не имеющем отношения к концепции Ю. Н. Караулова. В работе Пенелопы Экерт (Penelope Eckert), ключевой фигуры в американской вариационной социолингвистике, “linguistic persona” определяется как самопрезентация, которая обретает значение в социально-семиотическом пространстве и относительно него (“a self-presentation that takes on meaning in, and with respect to, the social-semiotic landscape”) [31, p. 753]. Марк Себба (Mark Sebba) рассматривает этот конструкт как способ аккомодации коммуниканта к конкретным условиям коммуникации, подразумевая, что каждый человек может, в зависимости от изменившейся ситуации общения, надеть ту или иную «языковую маску». В своей книге, посвященной взаимодействию двух языковых систем и, соответственно, их носителей, Себба отмечает, что не только билингвы, но и монолингвы могут обладать несколькими языковыми личностями, чья символическая ценность связана со значимыми для коммуникантов стереотипами [41]. Еще один характерный пример – употребление термина “persona” для описания носителя конкретного диалекта [40].

Термин “persona” используется также в маркетинге для обозначения вымышленного представителя целевой аудитории с типичными характеристиками. Применительно к лингводидактике, в компьютерном обучении иностранным языкам (CaLL – computer-assisted language learning) выделяются персоны различных типов, в зависимости от учебных привычек и склонностей, с целью улучшения взаимодействия между компьютерной программой и обучающимся в индивидуализированной адаптивной цифровой среде [24].

Интереса заслуживает книга социолингвиста Барбары Джонстон (Barbara Johnstone) “The Linguistic Individual: Self-expression in Language and Linguistics” («Языковой индивид: самовыражение в языке и лингвистике»), в центре внимания которой – язык как средство самовыражения. При помощи методов дискурсивного и литературного анализа автор показывает, что социолингвистические факторы (гендер, национальность, аудитория) следует рассматривать не в качестве предписывающих детерминантов, а как личный арсенал лингвистических ресурсов любого языкового индивида. Джонстон подчеркивает важность того, что лингвистика языка должна быть дополнена лингвистикой языковых индивидов [34]. Эта идея перекликается с мнением

Ю. Н. Караулова, высказанным десятью годами ранее, о том, что модели обучения языку не должны ограничиваться «рамками системного представления самого языка», но должны вторгаться «в структуру личности, языковой личности» [8, с. 4].

В англоязычной лингвистике и лингводидактике также встречается понятие “language” / “linguistic identity”. Чаще всего “language identity” используется для описания функционирования носителей языка в чужой языковой среде [29]. Данный вопрос будет рассмотрен более подробно ниже, при обсуждении понятия «вторичная языковая личность». “Linguistic identity” является самостоятельным термином и применяется, например, при определении авторства (часто в лингвокриминалистике), он может быть, в некоторой степени и для определенных целей, признан эквивалентом термина «языковая личность» [32].

Термин “language identity” крайне редко употребляется русскоязычными авторами в значении «языковая личность». Нам удалось найти пример такого использования в статье 2019 года “Developing secondary language identity in the context of professional communication” [28]. Еще один пример, взятый из русскоязычного и англоязычного варианта аннотации к научной статье, служит, скорее, иллюстрацией неточного перевода, где и «личность», и «идентичность» оказываются эквивалентными английскому “identity”: «В статье доказывается возможность и необходимость исследования *языковой личности* с позиции теории *идентичности*. The paper proves the possibility and necessity to study *linguistic identity* from the perspective of *identity theory*» [11, с. 22].

Термин «**языковая идентичность**» – вероятно, калька с “linguistic identity” – также встречается в русскоязычной лингвистике как часть зонтичного термина «идентичность», который включает два уровня: внутренний (совокупность уникальных характеристик индивида) и внешний (результат идентификации (отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды) [6]. Языковая идентичность неразрывно связана с культурной и этнокультурной идентичностью, то есть осознанием себя как части (этно)культурного сообщества [5]. Можно предположить, что языковая идентичность должна особенно ярко проявляться в ситуациях естественного или вынужденного двуязычия: эмиграция, геополитические изменения в государстве, би- и мультилингвальная семья [7], и в этом смысле термин «языковая идентичность» совпадает по значению с “linguistic identity”.

Сравнивая концепции «языковая личность» и “linguistic identity”, Д. Г. Демидова делает вывод о том, что в традициях отечественной лингвокультурологии большое значение придается концептуальной связи языка и культуры, тогда как исследования идентичности больше направлены на культурный, антропологический и коммуникативный аспекты. Для отечественной теории языковой личности приоритетом являются выделение, генерализация и обобщение свойств культурно-языковой общности, а в фокусе зарубежной лингвистики – взаимодействие между разными культурно-языковыми группами. Зарубежные научные работы в сфере языковой идентичности имеют ярко выраженную прикладную направленность, например, оптимизировать усвоение второго языка неносителями [4].

В сфере иноязычного образования широкое распространение получила концепция **вторичной языковой личности**, под которой понимается «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне» [2, с. 35]. Существуют и альтернативные варианты этого термина: «культурно-языковая личность» (В. П. Фурманова) как противопоставление «аутентичной культурно-языковой личности», т.е. носителя языка [17], «парааутентичная культурно-языковая личность» для обозначения цели иноязычного образования в профильной школе (Л. А. Милованова) [12], «поликультурная языковая личность» (Л. П. Халяпина), которой присуща «способность и готовность взаимодействовать с представителями разных стран и культур» [18, с. 232]. Формирование вторичной языковой личности – цель иноязычного образования, которая достигается посредством ассимиляции вербально-семантического кода и расширения языкового сознания за счет включения феноменов иной лингвокультуры.

Для обозначения вторичной языковой личности в научных работах на английском языке российские исследователи пользуются такими вариантами, как “secondary language personality”, “secondary linguistic personality”, “secondary linguistic persona”, “secondary linguistic identity” (поиск осуществлялся по полным текстам научных публикаций “Google Scholar”). Поиск по базе данных “Researchgate” показал, что использование концепции не ограничено российскими авторами: о вторичной языковой личности пишут на английском языке ученые из Украины, Болгарии, Армении, Китая и др. Например, в работе, посвященной межъязыковой интерференции азербайджанского и турецкого языков, употребляются термины “primary linguistic personality” (первичная ЯЛ) и “secondary linguistic personality” [22].

Схожее понятие присутствует и в зарубежной лингводидактике, а именно “second language identity” (языковая идентичность неносителя языка). Данная проблема вызывает значительный интерес у зарубежных лингвистов с 1970-х, когда было признано, что изучающие иностранный язык обладают языковой идентичностью в равной степени с носителями этого языка. Под языковой идентичностью неносителя понимают «любой аспект идентичности человека, связанный с тем, как он знает и использует иностранный язык» (“Second language identity refers to any aspect of a person’s identity that is related to their knowledge and use of a second language” [23, p. 18]). Будучи изначально предметом лингвистической антропологии, концепция языковой личности неносителя и связанные с ней исследования продолжают применяться в лингводидактике, особенно в США, где остро стоит проблема аккультурации иммигрантов.

Результаты исследований языковой идентичности неносителя применительно к лингводидактике позволили выделить несколько факторов, влияющих на успешность усвоения иностранного языка. К таким факторам

относятся “investment” (вложение, понятие, по аналогии с вложением капитала, раскрывающее и углубляющее понимание мотивации), а также “imagined communities” (воображаемые сообщества – понятие, в некоторой степени коррелирующее с осознаваемой целью изучения иностранного языка) [39].

Следует отметить и такую интересную лингвистическую концепцию, как “voice” (голос), которая, по нашему мнению, больше остальных соотносится с концепцией языковой личности. В работе, посвященной анализу этого явления, языковое явление «голос» противопоставляется социальным “identity” (идентичности) и “role” (роли). Именно эту концепцию выбирает иранский исследователь, описывая индивидуальные языковые особенности изучающих иностранный язык с тем, чтобы понять, какую идентичность те пытаются создать [42].

Для обозначения языковой личности применительно к отечественной лингводидактической и лингвистической литературе равным образом употребляются понятия «профессиональная языковая личность» [3], «языковая профессиональная личность» [13], «профессиональная коммуникативная личность» [10]. С. В. Мыскин определяет языковую профессиональную личность как «совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и оперирование профессиональными субдискурсами в различных ситуациях профессионально-коммуникативного взаимодействия с учетом ролевых требований профессии, целей профессиональной деятельности и успешностью профессиональной самореализации» [13, с. 155].

Проблема **вторичной языковой личности**, реализуемой в контексте профессионального общения, находится в фокусе внимания отечественных исследователей в сфере лингвистики и лингводидактики [1; 3; 9; 14; 15; 19]. Примеры таких научных работ включают исследования вторичной языковой личности юристов [19], инженеров [14], специалистов в сфере управления персоналом [15]. Одновременное существование разных наименований для обозначения целого набора частично совпадающих концептов отмечается Л. В. Яроцкой («вторичная языковая “деловая” личность, «языковая личность в рамках профильного обучения иностранному языку», «профессионально ориентированная вторичная языковая личность», «вторичная коммуникативная профессиональная личность») [21, с. 49].

В англоязычной литературе не удалось найти такого понятия, которое объединяло бы индивидуальные языковые и профессиональные характеристики личности. Понятия “professional identity” и “linguistic identity” существуют, но не смешиваются. Англоязычные публикации, объединяющие проблемы языковой идентичности носителей в профессиональном контексте, немногочисленны, как правило, они основываются на реальных ситуациях двуязычного профессионального общения. Вопросы профессиональной интеграции высококвалифицированных иммигрантов в чужую языковую среду посвящены работы П. Детерса [29] и Г. Харрисона [33], тема языковых барьеров, препятствующих реализации профессиональной идентичности, раскрывается в работе норвежских исследователей [43]; взаимодействие носителей и неносителей в условиях университетского образования в учебных ситуациях, имитирующих профессиональное общение, рассматривается сквозь призму языковой идентичности [36].

Интересный аспект манифестации профессиональной идентичности в условиях неродного языка – это письмо на иностранном, прежде всего, английском языке для образовательных и научных целей. Проблема особенно актуальна в связи с доминирующей ролью, которую английский язык стал играть в мировом научном дискурсе. Важным разделом профессионально-ориентированной лингводидактики стало обучение академическому письму, а тема авторской идентичности в тексте на неродном языке поднимается учеными по всему миру [26; 27; 30; 35].

Отечественные исследователи, занимающиеся проблемой вторичной языковой личности в контексте профессионально-ориентированного общения, используют разные англоязычные термины для перевода данного понятия. Можно встретить как “professional linguistic personality” [37] (в данной работе формирование профессиональной языковой личности рассматривается на материале двух и более языков, но в контексте иноязычного образования), так и “professional second language identity” [25], при этом обе научные работы опираются на одну и ту же теоретическую базу и посвящены одному и тому же явлению.

Заключение

Анализ научных публикаций показал, что концепция языковой личности не получила широкого распространения в англоязычной лингвистике и лингводидактике, несмотря на глобальные тенденции индивидуализации и гуманизации языкового образования. Причиной этому может быть отсутствие переводов фундаментальных трудов на английский язык и, в связи с этим, недоступность их для общемировой науки. Ситуация дополнительно усложняется тем, что и среди русскоязычных ученых нет согласия в вопросе перевода русских терминов, относящихся к этой концепции, на английский язык при публикации в международных изданиях. Разнообразие параллельно существующих наименований одних и тех же концепций затрудняет понимание и препятствует научной коммуникации на мировом уровне. Прежде всего, требует внимания слово «личность» как часть многочисленных производных терминологических единиц (языковая личность, вторичная языковая личность и др.). Вероятно, наиболее удачным из перечисленных в данной работе терминов следует признать “personality”, так как остальные варианты либо имеют чрезвычайно общее значение, либо уже используются для обозначения других лингвистических явлений. В свою очередь, российская лингводидактика не использует результаты исследований в отношении языковой идентичности неносителя (second language identity), которые могут быть с успехом применены, в том числе и в профессионально-ориентированной лингводидактике.

Список источников

1. Борисова И. В. Особенности формирования вторичной языковой личности студентов неязыковых профилей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Педагогика». 2015. № 1. С. 30-36.
2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителей. М.: АРКТИ, 2000. 165 с.
3. Гафиятова Э. В. Профессиональная языковая личность: к вопросу о создании типологического паспорта // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 3 (49). С. 26-33.
4. Демидова Д. Г. «Языковая личность» и альтернативные единицы исследования, используемые для анализа культурно-языкового измерения личности: к проблеме терминологии и подходов к изучению в отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (273). С. 136-139.
5. Задворная Е. С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 24-37.
6. Идентичность [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0139aee26d501a6d86199339> (дата обращения: 01.07.2020).
7. Исканиус С. Языковая идентичность русскоязычной молодежи - иммигрантов Финляндии // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. статей. СПб., 2002. Вып. 2. С. 314-329.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
9. Коряковцева Н. Ф. Современная парадигма профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 14 (753). С. 9-21.
10. Лазуренко Е. Ю., Саломатина М. С., Стернин И. А. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж: Истоки, 2007. 194 с.
11. Леонова Е. В. Изучение языковой личности в свете теории идентичности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (33). С. 22-25.
12. Милованова Л. А. Парааутентичная культурно-языковая личность как целевая доминанта профильного обучения иностранным языкам // *Lingua mobilis*. 2010. № 6 (25). С. 67-74.
13. Мыскин С. В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 150-157.
14. Пономаренко Е. П. Особенности формирования языковой личности студента в рамках иноязычной подготовки в техническом вузе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8. № 28. С. 33-41.
15. Столярова Е. В., Федотова М. Г. Профессиональная языковая личность специалистов в сфере управления персоналом и обучение иностранному языку для специальных целей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (182). С. 127-133.
16. Тарева Е. Г. Динамика ценностных смыслов лингводидактики // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 231-246.
17. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка: автореф. дис. ... д. пед. н. М., 1994. 58 с.
18. Халяпина Л. П. Формирование поликультурной языковой личности как цель обучения иностранным языкам в условиях глобализации общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 230-236.
19. Югова М. А. К вопросу о развитии языковой личности юриста в контексте компетентного подхода // Традиционные и инновационные технологии развития профессиональной языковой личности студентов: мат-лы Междунар. научно-метод. конф. / отв. ред. К. М. Левитан. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 10-17.
20. Языкова Н. В. Целеполагание в языковом образовании с позиции межкультурного подхода // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Международной научной конференции / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Барнаул, 2012. С. 409-411.
21. Яроцкая Л. В. Иностраный язык и становление профессиональной личности (неязыковой вуз): монография. М.: Триумф, 2016. 258 с.
22. Aliyeva Zh., Dursunova F., Shtanov A. Interlanguage interference of the Azerbaijani and Turkish languages: Ways to address the problem (linguistic approach & teaching practice) // *Professional Discourse & Communication*. 2020. Iss. 2. P. 72-87.
23. Benson P., Barkhuizen G., Bodycott P., Brown J. Second Language Identity // *Second Language Identity in Narratives of Study Abroad*. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 17-33.
24. Blin F., Caws C., Hamel M.-J., Heift T., Schulze M., Smith B. Sustainable interaction-based research in CALL // *WorldCALL: Sustainability and computer-assisted language learning* / ed. by A. Gimeno, M. Levy, F. Blin, D. Barr. Bloomsbury, 2016. P. 119-131.
25. Brega O. N., Bazhutina M. M., Krugl'akova G. V. Video podcast as a thesaurus-based tool for forming the professional second language identity in teaching ESP // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 1 (43). P. 389-398.

26. Cox M. Identity construction, second language writers, and the writing center // *Tutoring second language writers* / ed. by Sh. Bruce, B. Rafoth. University Press of Colorado, 2016. P. 53-77.
27. Cozart S. M., Jensen T. W., Wichmann-Hansen G., Kupatadze K., Chien-Hsiung Chiu S. Negotiating multiple identities in second- or foreign-language writing in higher education // *Critical transitions: Writing and the question of transfer* / ed. by C. M. Anson, J. L. Moore. University Press of Colorado, 2017. P. 303-334.
28. Denissova G. V., Redkina E. A., Zalizniak A. A. Developing secondary language identity in the context of professional communication // *Psychology in Russia*. 2019. № 1. P. 20-29.
29. Deters P. Identity, agency and the acquisition of professional language and culture. A&C Black, 2011. 272 p.
30. Dong T., Qiu L. Research on self-mentions and author identity in academic English writing // *International Journal of English Language and Literature Studies*. 2018. Vol. 7. № 4. P. 115-121.
31. Eckert P. The limits of meaning: Social indexicality, variation, and the cline of interiority // *Language*. 2019. Vol. 95. № 4. P. 751-776.
32. Grant T., MacLeod N. Resources and constraints in linguistic identity performance - a theory of authorship // *Language and Law / Linguagem e Direito*. 2018. Vol. 5 (1). P. 80-96.
33. Harrison G. "Oh, you've got such a strong accent": Language Identity Intersecting with Professional Identity in the Human Services in Australia // *International Migration*. 2013. Vol. 51. № 5. P. 192-204.
34. Johnstone B. *The Linguistic individual: Self-expression in language and linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 215 p.
35. Kim S. H., Saenkhum T. Professional identity (re)construction of L2 writing scholars // *L2 Journal*. 2019. Vol. 11. Iss. 2. P. 18-34.
36. Kwon M. H., Klassen M. D. Preparing for English-speaking professional communities: Navigating L2 learners' linguistic identity in L1-dominant professional communication courses // *Journal of English as an International Language*. 2018. Vol. 13. № 2.1. P. 15-35.
37. Levitan K. M., Yugova M. A. Forming an innovative professional linguistic personality of law school students on the basis of the synergetic approach // *Язык и культура*. 2019. № 46. С. 167-183.
38. Mandrikova G. M., Dubrovskaya E. M. System of Russian linguocultural types: Problem statement // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 333. P. 101-105.
39. Norton B., De Costa P. Research tasks on identity in language learning and teaching // *Language Teaching*. 2018. Vol. 51. Iss. 1. P. 90-112.
40. Ranzato I. The Cockney persona: The London accent in characterisation and translation // *Perspectives: Studies in translation theory and practice*. 2019. Vol. 27. Iss. 2. P. 235-251.
41. Sebba M. *London Jamaican: Language system in interaction*. L.: Routledge, 2014. 200 p.
42. Shahri M. N. N. Constructing a voice in English as a foreign language: Identity and engagement // *TESOL Quarterly*. 2018. Vol. 52. Iss. 1. P. 85-109.
43. Skjeggstad E., Gerwing J., Gulbrandsen P. Language barriers and professional identity: A qualitative interview study of newly employed international medical doctors and Norwegian colleagues // *Patient Education and Counseling*. 2017. Vol. 100. Iss. 8. P. 1466-1472.

Информация об авторах | Author information

Сороковых Галина Викторовна¹, д. пед. н., проф.
Шафикова Инна Римовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет

Sorokovykh Galina Vikortovna¹, Dr
Shafikova Inna Rimovna²

^{1,2} Moscow City University

¹ sorokovykh@mail.ru, ² shafikova_inna@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.06.2020; опубликовано (published): 31.08.2020.

Ключевые слова (keywords): отечественная лингводидактика; зарубежная лингводидактика; вторичная языковая личность; языковая личность профессионала; систематический обзор; domestic linguodidactics; foreign linguodidactics; secondary linguistic personality; professional's linguistic personality; systematic review.